

ЧИСЛОВОЙ КОД В ТВОРЧЕСТВЕ Е.А. ЕВТУШЕНКО

А.А. Печенькова

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Московский пр-т, 33, г. Витебск, Республика Беларусь,
anastasia4366@rambler.ru*

Рассматривается числовой код в творчестве Е.А. Евтушенко с точки зрения частотности употребления; описаны основные значения найденных единиц; приведены примеры функционирования чисел и нумеративов в стихотворениях автора. Цель исследования – показать функционирование числа (как имени числительного, квантитатива, нумератива) в творчестве Е.А. Евтушенко в прагматическом и семантическом аспекте.

Ключевые слова: число; нумератив; числовой код; семантика числа; художественный текст; процесс метафоризации.

Современный анализ текста всё чаще обращается к прагматическому аспекту. Одной из малоизученных единиц является число. Исследования обычно обращены к числу как имени числительному и исключают нумеративы и/или квантитативы, однако расширенное понимание числа как единицы кода, заключающего в себе определенное значение, включает в себя и слова, косвенно связанные с именами числительными или являющимися результатом процессов нумерализации. Данная статья обратится к числовому коду в стихотворениях Е.А. Евтушенко.

Материалы и методы исследования. Для выявления прагматического аспекта числа в творчестве Е.А. Евтушенко были выбраны стихотворения, содержащие в текстах числа или нумеративы. Методы исследования: количественный, описательный, компонентного анализа.

Полученные результаты. Проведенный анализ имен числительных и нумеративов, входящих в тексты произведений Е.А. Евтушенко, следует отметить наличие авторской семантики обнаруженным единицам. Не каждое число имеет символическое значение, поэтому важно находить и разграничивать слова, которые имеют композиционную значимость и которые могут иметь опосредованное значение. Нами были обнаружены следующие особенности использования чисел в стихотворениях.

Число «один». Один обычно выражает какое-то единство, обособленность или перечисление, что обусловлено контекстом. В стихотворениях Е.А. Евтушенко прослеживаются основных два значения: обособленность, отстраненность, одиночество и последовательность предметов. Первый семантический ряд ярко представлен в «Письме в Париж» [1, с. 259] («... а вы свободны, когда один?») [1, с. 259], в первых строчках безымянного стихотворения «Я кошелек. Лежу на дороге. Лежу

один посередине дня» [1, с. 373], где неодушевленный предмет становится одиноким наблюдателем жизни людей вокруг или в «В миге полуосени-полузимы» [2]: «Снова один. Ничего. Не впервые. Лучше я буду совсем одинок» [2] и т.п. Последовательность предметов обнаруживается в «Когда мужчине сорок лет» [1, с. 125] и в «Парке» [1, с. 241]: «Один роман, другой роман, в а результате...» [1, с. 126] или «Один из них кричит о вреде открытой критики у нас, что, мол, враги кругом, что время неподходящее сейчас. Другой - что это все убого, что ложь рождает только ложь...» [1, с. 242], где значение в нумеративах «один» и «другой» (связанный с числом «два») становится единым, обозначающим смену предметов, малозначащую в жизни лирических героев. Иное значение переносится на слово «первый». Это в контексте часто субстантивированное существительное или адъективированное прилагательное. В каноничном стихотворении писателя «Людей неинтересных в мире нет» [1, с. 146] строки: «И если умирает человек, с ним умирает первый его снег, и первый поцелуй, и первый бой...» [1, с. 146], которые выражают принадлежность всех «первых» дел в жизни человека, которые принадлежат только ему и им же сохраняются. Такое же значение появляется в стихотворении «Между Лубянкой и Политехническим» [3] («Мой первый стих был горько поучительным, а всё же мой – ни у кого не спёрт!» [1]), в стихотворении «Глухариный ток» [3] («и первый шаг, такой же робкий...» [3]) и др.

Число «два» выражает парность каких-то явлений или предметов. Е.А. Евтушенко называет стихотворения «Два города» [1, с. 57], в котором любовь сравнивается с двумя городами, «Две любви» [3], в котором дуализм проходит через весь текст «две любви – то ли это подарок <.>, то ли это война <.>, две любви, как два камня...» [1, с. 57] или в «Я старше себя на твои тридцать три» [3], где *два* обозначает «два прошлых» [3], «два бытия» [3] и «две пули» [3], которыми можно убить человека (из них одна для жизни лирического героя, а вторая – для жизни его любви). В упомянутом «Когда мужчине сорок лет» [1, с. 125] *два* выступает, как отражение типов стыда, один из которых «когда торгуешь» [1, с. 125] и «когда торгуют тобой» [1, с. 125]. Встречается также в стихотворении «Изумрудины» [3], где становится счетным словом для количества глаз: «Две изумрудины у тебя на лице» [3]. Интересно выражение в стихотворении «Я бужу своего двухколесного друга» [1, с. 179] (стихотворение «На велосипеде» [1, с. 179]), где за метафоричным выражением скрывается просто слово – велосипед. Число два выражается в субstantиве или адъективированном слове «другой», которое было упомянуто при семантике предыдущего имени числительного. В целом, данная лексема представлена значительно реже.

Выражение значений «три» и «тридцать» встречается в некоторых стихотворениях поэта. Простое число три и сложные числа, в составе которых встречается данная лексема, имеют сакральное значение в русской

культуре, так как мерилom можно считать триединство. У автора было обнаружено одноименное «Три фигурки» [3], где за фигурами скрывается семья («Три фигурки – вся моя семья» [3]), а в которой должно быть минимум три человека. Или в стихотворении «По ягоды» [1, с. 268]: «Три женщины и две девчонки куцых...» [1, с. 268], в котором каждая из женщины имеет свой прототип русского характера; в стихотворении «Три минуты правды» [3], посвященном кубинскому герою Хосе Антонио Эчеварилья, который смог пробраться в радиocентр и рассказать людям правду, герой имеет всего лишь «три минуты» [3], чтобы рассказать правду. Герой готов бороться даже за такое время, чтобы донести до людей свою веру. Лексема «тридцать» встречается в стихотворении «Ира» [3], где тридцатилетие – это время, когда женщина стареет снаружи и уже должна найти себе партнера, однако Е.А. Евтушенко желает героине найти этого человека, или в стихотворении «В погоне за дешевой популярностью» [3] осмысляет тридцатилетие, как «Мне скоро тридцать. Я герой пародий, статей, разоблачительных стихов» [3], и говорит о мнении публики касательно содержания стихотворений. В упомянутом уже «Я старше себя на твои тридцать три» [3] упоминает важный возраст, связанный с Богом, который может обозначать возраст мудрости и ума. Порядковое «третий» претерпевает адъективацию и встречается в названиях двух стихотворений: «Третий снег» [1, с. 339], где люди ждут настоящей зимы, которая приходит с третьим не растаявшим сразу снегом, и «Третья память» [3], где «третья память – это память тела» [3], сравниваемая с ощущениями от пережитой ситуации или события.

Редкой, как и число два, является лексема четыре, обнаруженное в названии «Четыре чулочницы» [3], где четвертая чулочница одинока, в отличие от трёх других, имеющих мужей с недостатками. Четвертая осталась одна: «А четвёртая – та, что ничья не жена, остаётся одна и стоит у окна» [4], поэтому её утешат подаренным щенком. Четыре обычно олицетворяет времена года, однако здесь четверке передается значение обособленности, отдаленности от замкнутости и единства тройки. «Сорок» употребляется при обозначении возраста в строке из стихотворения «По ягоды» [1, с. 268]. Ярko отражен возраст «сорок лет» в одноименном названии «Когда мужчине сорок лет» [1, с. 125], где автор играет с числом как показателем опытом человека, возрастом завершенности взросления: «снисхожденья ему нет перед собой и перед богом», «пора наложить запрет на жажду удовольствий» [1, с. 125]. Очень ярко показывает стадии внутреннего взросления строки: «До сорока яснее цель, до сорока вся жизнь как хмель, а в сорок лет – похмелье» [1, с. 125], а после сорока человек становится спокойным и «жизнь его красит в серый цвет» [1, с. 125], чтобы сделать его подобным толпе. Автор призывает «не теряться в драме» [1, с. 125], потому что только человек решает, заканчивать ли жизнь на этом числе или «расцвести» [1, с. 125]. Сорок входит в состав года «сорок

первого» как маркера стихотворения о войне (к примеру, «Спутница» [1, с. 324]) и т.п.

Лексемы пять, шесть, семь, восемь, девять и десять почти не встречаются. Отдельно можно найти числительные *пять* и *семь* в стихотворении «И в детях правды нет...» [2], где возрасту дано свое значение: пять лет – «подлиза» [2], в семь – «ябеда» [2], или в стихотворении «Где дорога домой?» [3] упоминание возраста: шестилетний, пятилетняя. В стихотворении «На велосипеде» [1, с. 179] герой ставит «будильник на восемь» [1, с. 179], чтобы упорядочить время написания стихотворений. У числа «семь» есть обозначение «на семь бед мой ответ: где любовь, смерти нет» [3] («Что знает о любви любовь» [3]), в котором за число скрыты определенные преграды. В остальных стихотворениях данные числа встречаются редко или не имеют более глубоко значения. Десять встречается в выражении «до десятого пота» [1, с. 379] трудиться в стихотворении «Я сибирской породы» [1, с. 379].

Можно встретить число «сто» и «миллион» в значении общего, неконкретного количества: «Не помню, сколько их, галдевших, било. Быть может, сто, быть может, больше было...» [1, с. 101] (стихотворение «Картинка детства» [1, с. 101]), где упоминается воспоминания ребенка о войне и преувеличении маленьким человеком числа ввиду несоразмерности мира возрасту, или в стихотворении «Гены» [3] - «Когда с твоей кровью навсегда мильоны не услышанных пророков уйдут сквозь раны в землю без следа» [3], которое обозначает, что каждый человек является частью какого-то рода и каждое поколение отражает историю народа, его обычаи, традиции, эволюцию тела и разума.

Можно и отметить слова, которые могут выражать отсутствие числа. К примеру, в стихотворении «Нет лет» слово «нет» заменяет число ноль, а в стихотворениях «Был я столько раз больно ранен» [1, с. 28], «Когда мужики ряболищые...» [1, с. 119] и др. словом «столько» выражается какое-то большое и значимое число.

Исходя из данных, описанных выше, можно сделать вывод о том, что частотными и представленными большим количеством сем являются лексемы «один» и «три» (и их варианты), менее – «два», «четыре», остальные встречаются редко. Можно обнаружить слова, имеющие числовое значение, рода «нет» - ноль, «столько» - большое количество и др.

Заключение. Использование числа и нумератива в художественном тексте имеет значительное культурное значение. Обозначение и замена числом понятий единства, обособленности, дуальности и т.п. показывает через призму числового выражения понимание окружающего мира. Понятия триединства (от числа три), единности (от числа один), двойственности (от числа два) выражаются в прагматическом аспекте в

литературных произведениях. Для творчества Е.А. Евтушенко характерно использование чисел *один* и *три* и их производных, слов со значением числа или отсутствия какого-либо количества, что указывает на отражение понимания русской культуры (для славян характерно сакральное отношение к числам один и три). Таким образом, исследования в области семантики и прагматики числа как кода может показать отражение культуры в художественном тексте при помощи метафоризации количества.

Библиографические ссылки

1. *Евтушенко Е.А.* Полное собрание сочинений: классика XX века [Электронный ресурс]. Москва : Моя большая книга. 406 с. URL: https://fb2-ePub.ru/load/babij_jar_polnoe_sobranie_stikhotvorenij_evgenij_evtushenko/1-1-0-13118 (дата обращения: 10.10.2020).
2. *Евтушенко Е.А.* Стихи [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/evgenij-evtushenko/> (дата обращения: 12.10.2020).
3. *Евтушенко Е. А.* Стихотворения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evtushenko.net/index.html> (дата обращения: 12.10.2020).
4. *Трессидер Дж.* Словарь символов. М. : Гранд : ФАИР-пресс, 1999. 443 с.

ЗМЕНИ Ё ПРАВАПІСЕ БЕЛАРУСКІХ ЭКАНАМІЧНЫХ ТЭРМІНАЎ

В.У. Праконіна

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
veraprok88@mail.ru*

На працягу XX–XXI стст. арфаграфічныя нормы мяняліся ў сувязі з рэформамі беларускага правапісу. На прыкладзе 243 беларускіх эканамічных тэрміналагічных адзінак разгледжаны і прааналізаваны змены арфаграфічнага афармлення тэрмінаў на падставе разгляду фактычнага матэрыялу крыніц беларускай эканамічнай тэрміналогіі. Змены ў правапісе беларускіх эканамічных тэрміналагічных адзінак былі прасочаны на двух паслядоўных этапах у развіцці арфаграфічнага афармлення тэрмінаў: змена арфаграфічных норм “тарашкевіцы” на “наркамаўку”; змена арфаграфічных норм паводле «Правіл беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» 1959 года на нормы рэформы 2008 года. Аналіз фактычнага матэрыялу дае падставы сцвярджаць аб неабходнасці ў афармленні значнай колькасці беларускіх эканамічных тэрмінаў у адпаведнасці з апошнімі «Правіламі беларускай арфаграфіі» і ў стварэнні максімальна поўнага перакладнога тэрміналагічнага слоўніка, у якім былі б адлюстраваны сучасныя нормы правапісу.

Ключавыя словы: арфаграфічныя нормы; беларускія эканамічныя тэрміны; беларускі правапіс; змены ў правапісе.

На працягу станаўлення, фарміравання і развіцця беларускай эканамічнай тэрміналогіі беларускі правапіс неаднаразова мяняўся. У 20-ыя гг. XX ст. тэрміналагі карысталіся “тарашкевіцай”, пасля рэформы 1933